

Вся семья сидела как раз у дверей кухни. Двери были распахнуты настежь, и стоило повернуть голову, как можно было увидеть плетёные ворота. Цуй Ланьфан обернулась и как раз увидела Чэнь Саньси, стоявшего у входа, выше Цинь Баньбань больше чем на полголовы.

Она сначала удивилась, а потом изумлённо воскликнула:

— Ай, Саньси! Ты так рано пришёл?

Лю Гуйю тоже немного удивился. Это было на полшичэня раньше времени, о котором они договорились с Чэнь Саньси. Но он быстро пришёл в себя, поднялся навстречу и, махнув рукой, позвал:

— Так рано пришёл! Скорее заходи. Ел уже?

Чэнь Саньси всегда вставал рано. Он думал, что если придёт пораньше, то произведёт хорошее впечатление, но кто бы знал, что так неудачно и так удачно одновременно попадёт ровно на то время, когда хозяева завтракают. Прийти в такое время - это больше походило на то, что он явился к чужому столу за подачкой.

Он как раз думал, как ответить, когда вдруг почувствовал, что что-то у ног тянет его за штанину. Опустив голову, он увидел кругленький пушистый комок: тот вцепился зубами в его одежду и тянул наружу. Не сумев сдвинуть, отпустил, затем обежал вокруг него два круга и всё время звонко, по-щенячьи лаял:

— Гав-гав!

Это был полуподросший щенок.

Цинь Баньбань поспешно присела, подхватила на руки маленького пса, который пытался прогнать гостя, и отступила на пару шагов в сторону, освобождая проход. Сначала она сказала Чэнь Саньси:

— Скорее проходи, пожалуйста.

Сказав это, она ещё погладила Лайцая по пушистой голове и тихо успокоила:

— Не кусай, не кусай, это свой!

Чэнь Саньси посмотрел на неё, потом коснулся кончика носа и вошёл внутрь.

На ходу он ответил:

— Ел.

Лю Гуюй с улыбкой поманил его войти, затем достал из шкафа чистую чашку и палочки и сказал Чэнь Саньси:

— Ай-я, даже если ел, всё равно можно ещё немного. Дома приготовили мясные баоцзы, такие ароматные, попробуй!

Чэнь Саньси, кажется, не привык к чужому радушию. Он нахмурился и хотел отказаться, но едва Лю Гуюй проявил гостеприимство, как Цуй Ланьфан тут же добавила:

— Именно. В твоём возрасте молодые парни разве вообще бывают сытыми? Съешь ещё немного! Поешь - будут силы работать!

Говоря это, она прямо положила в чашку два больших мясных баоцзы, а затем сунула чашку и палочки в руки Чэнь Саньси.

Чэнь Саньси не смог отказаться. Он застыл на некоторое время и только потом сухо сказал:

— ...Спасибо.

В это время вошла Цинь Баньбань, держа на руках щенка, остановилась у двери и сказала:

— Мама, брат Лю, я договорилась с братом Цинчжу: сегодня он научит меня плести персиковые подвески-лозы, я пойду к нему!

Цуй Ланьфан поспешно сказала:

— Возьми и брату Цинчжу пару баоцзы.

Цинь Баньбань кивнула, быстро пошла вымыть руки, затем сложила несколько баоцзы и вышла из дома. Перед уходом она ещё сказала Чэнь Саньси:

— Поля нашей семьи мы поручаем тебе.

Чэнь Саньси как раз грыз баоцзы. Ему редко выпадала возможность съесть такие вкусные баоцзы. Прежде он жил вдвоём со старым охотником и зависел только от него. Кулинарное мастерство приёмного отца было обычным: сварить до готовности, чтобы не умереть от еды, вот и всё требование. Приёмный отец готовил невкусно, а его самого никто не учил, так что это мастерство, естественно, передалось по одной линии, и даже смутно казалось, что ученик превзошёл учителя.

Он не ожидал, что Цинь Баньбань вдруг заговорит с ним, и от неожиданности подавился куском баоцзы, застрявшим в горле. Прокашлявшись несколько раз, он в конце, с покрасневшим от натуги лицом, кивнул ей.

Цинь Баньбань рассмеялась, взяла тарелку с баоцзы и выбежала наружу. Щенок следом погнался за ней:

— Гав-гав-гав!

Цуй Ланьфан тоже улыбалась, в глазах у неё были только спокойствие и радость. Она сказала Лю Гую:

— Смотрю, Баньбань всё больше разговаривает. Прежде она тоже была не из болтливых.

Лю Гуюй тоже улыбнулся ей и сказал:

— Девочке в таком возрасте лучше быть поживее.

Чэнь Саньси ничего не говорил, только стоял рядом и ел баоцзы. Румянец, выступивший на лице от кашля, ещё не сошёл.

После завтрака Лю Гуюй усадил Чэнь Саньси во дворе и начал говорить о земледелии.

— До Цинмина ещё не дошло, с высадкой рисовой рассады в поле пока спешить не надо, сперва надо как следует заквасить удобрение. Ещё есть работа по разравниванию и перепахиванию поля. В нашей семье либо женщины, либо гэры, такой тяжелой работы мы не сделаем, это тоже придётся поручить тебе. Но хотя у нас дома нет вола, в тот день я всё равно схожу одолжить, не заставлю тебя тянуть всё одному.

Чэнь Саньси слушал внимательно и не вставил ни слова. Только когда Лю Гуюй закончил, он коротко ответил:

— Ладно.

Лю Гуюй снова сказал:

— Только вот удобрение... Моё удобрение не такое, как у других деревенских. Нужен порошок обожжённого гипса... э-э, то есть жжёный каменный порошок. Слышал, в Сяхэ есть мастер, который обжигает кирпич и черепицу. Позже придётся побеспокоить тебя и сходить туда, спросить, можно ли у них купить жжёный каменный порошок.

Это удобрение и правда было необычным. Чэнь Саньси прежде тоже помогал другим семьям высаживать рис и работать в поле, но ещё не слышал, чтобы кто-то при заквашивании удобрений использовал жжёный каменный порошок. Странно-то было странно, но Чэнь Саньси не стал с любопытством расспрашивать, только кивнул.

Сказано - сделано. От деревни Шанхэ до Сяхэ было недалеко, можно было дойти пешком.

Мастера, который обжигал кирпич и черепицу, о котором говорил Лю Гуюй, звали Линь Жунгуй. Во всей округе из нескольких деревень только он умел обжигать кирпичи и черепицу; если кто-то строил дом, все шли к нему покупать кирпич и черепицу. Вообще, для обжига кирпича и черепицы не обязательно требовался обожжённый гипс, но Линь Жунгуй занимался этим делом десятки лет и знал немало людей того же ремесла. Гипс же часто использовали в строительстве, так что, может быть, у него нашёлся бы способ достать.

Но всю дорогу Лю Гуюю казалось, что он будто забыл какое-то дело. Какое же?

Он шёл и думал, но, к сожалению, так и не вспомнил.

Войдя в Сяхэ, они расспросили людей, где живёт Линь Жунгуй, и вдвоём пошли в указанном направлении. Как и семья Ян, разводившая кур, семья Линь тоже жила в доме из зеленого кирпича с черепичной крышей, и даже построенном ещё богаче: двор был просторным и светлым, вокруг шла кирпичная стена высотой в один чжан. В углу был огорожен огород; стояла весна, и листья овощей были сочно-зелёными. Чесночные стрелки уже поднялись, выпустив нежные ростки, бобовые побеги вытянулись вверх, а стручки конских бобов были свежими, нежными и круглыми.

Посреди двора рос чунь. Женщина держала длинную развилку, подтягивала ею ветви, а затем срывала верхние почки чуня.

Ворота во двор были открыты. Лю Гуюй подошёл и спросил:

— Здесь живёт Линь Жунгуй?

Женщина, срывавшая почки чуня, повернула голову, посмотрела на них и кивнула:

— Да, здесь! Ищите нашего Жунгуя? Он сзади, у обжиговой печи. Обойдите по левой тропинке, ещё несколько шагов и увидите!

Лю Гуюй, следуя её словам, обошёл дом сзади. Пройдя с десятков шагов, он и правда увидел за кирпичным домом земляные печи для обжига кирпича и черепицы. Две большие жёлто-глиняные печи с круглыми сводами; вокруг ещё несколько человек хлопотали, от жара у всех лица и тело были покрыты потом. Едва Лю Гуюй подошёл ближе, как услышал знакомый голос.

— Мастер Линь, вы уж примите моего второго сына! Он куда послушнее старшего брата, ругайте как хотите, наставляйте как хотите, если не научится, даже бить можно!

Говорила мать Ци Шаня.

Лю Гуюй, глядя на эту женщину, даже на мгновение застыл и едва не вспомнил, кто она такая. О, точно! Вот оно! Он почти забыл: Ци Шань из Сяхэ как раз учился ремеслу у мастера по обжигу кирпича и черепицы!

Линь Жунгуй был так измучен её приставаниями, что с раздражением закатил глаза и недовольно сказал:

— Не возьму! Сколько раз уже говорил! Людей из вашей семьи я больше не беру! Не могу себе позволить, да и обслуживать вас не намерен! Тогда я посмотрел, что мы из одной деревни, ты пристала, чтобы я взял твоего старшего сына в ученики, и я взял. Пусть таланта у него не было, зато хоть честный был и работающий! А в итоге? Раньше всё делал как положено, а недавно будто бес в него вселился: на работу не выходит, да ещё осмелился пить вино снаружи печи? Что это за место, ты понимаешь? Там дрова горят! Я велел ему следить за печью, а он снаружи пьёт? Он жить не хочет, а я ещё хочу!

Речь шла как раз о Ци Шане.

После того как Ци Шань разошёлся с Ло Цинчжу, он почти наполовину пропал: потерял дух и силу, ни к чему у него не лежало сердце. Работал он невнимательно, а порой и вовсе не приходил. Все деревенские знали, что он разошёлся с фуланом, к тому же поползли всякие слухи. Поначалу Линь Жунгуй сочувствовал этому ученику и знал, что у него с Цинчжу как у супругов чувства были хорошими, поэтому после разрыва тот какое-то время не мог принять случившееся и неизбежно должен был пройти через упадок.

Он и это терпел, но кто же знал: чем больше потекаешь, тем наглее становится человек. В печи обжигали кирпичи, охалка за охалкой горели дрова, а он хорош - сидит снаружи печи и пьёт.

Прекрасно, просто прекрасно: внутри всё раскалено докрасна, снаружи он пьян до одури.

И не говоря уже о том, можно ли пить во время работы; когда печь горит, пить тем более нельзя! Если случайно печь взорвётся... ай-я, об этом и подумать страшно!

Он прогнал Ци Шаня, но кто бы знал, что мать Ци окажется такой толстокожей: она и второго сына притащила, плакала и умоляла, чтобы он принял этого ученика.

— Шитоу! Аван!

Линь Жунгуй совсем устал от её приставаний и позвал двух учеников, чтобы те вышли и прогнали людей. Мать Ци быстро выгнали.

Лю Гуюй увидел всё от начала до конца и холодно усмехнулся про себя. Теперь-то он потерянный и разбитый, изображает из себя влюблённого святого. Если бы это увидел кто-то, не знающий правды, ещё подумал бы, будто это Ло Цинчжу подвёл Ци Шаня!

Линь Жунгуй напротив тоже заметил Лю Гуюя и Чэнь Саньси, прищурился и внимательно посмотрел, но всё же не узнал, кто они такие; на вид были незнакомцы. Он хотел встретить их с улыбкой, но только что рассердился, и настроение за короткое время ещё не успело повернуться обратно. Губы приподнялись, но улыбка вышла немного натянутой.

— Вы кирпич купить пришли?

Лю Гуюй подошёл и покачал головой:

— Нет. Я хотел спросить у мастера Линя, нет ли у вас способа достать жжёный каменный порошок?

Когда Линь Жунгуй увидел, что Лю Гуюй качает головой, его радушие немного убавилось, но сразу следом он услышал вторую половину фразы, почувствовал странность и, подумав, спросил:

— Достать-то можно. Но зачем тебе это?

Лю Гуюй скрывать не стал и прямо сказал, для чего ему нужно. Линь Жунгуй явно не поверил. Хотя он был мастером по обжигу кирпича и черепицы, в Даюне земледелие ценили, и у его семьи тоже было немало полей, но он правда никогда не слышал, чтобы кто-то вот так заквашивал удобрение.

Впрочем, в чужие дела он не стал влезать и только спросил:

— Достать можно. Но сколько тебе нужно? Если один-два цзиня, тогда забудь, у меня на это свободного времени нет.

Лю Гуюй грубо прикинул:

— Мне нужно двадцать цзиней. Не знаю, как считать цену?

Линь Жунгуй подумал и сказал:

— Не слишком дорого: один цзинь - шесть вэней, двадцать цзиней - сто двадцать вэней. Только я сейчас тоже занят: взял заказ у богатого дома в городе, времени помочь тебе расспросить нет.

В этих словах был глубокий намёк - вопрос лишь в том, поймёт ли слушающий. Лю Гуюй, очевидно, понял. Он тут же улыбнулся, достал из сумки мешочек с деньгами, протянул Линь Жунгую и сказал:

— Как же можно заставлять вас хлопотать даром? Сто двадцать вэней... Давайте так, округлим: я сразу дам вам двести вэней, а оставшееся будет платой за труды. Здесь сто вэней, считайте это задатком. Когда товар придёт, вторую половину я вам отдам. Как вам?

С умными людьми и говорить легко. Линь Жунгуй тоже рассмеялся. Что занят, что не занят - всё это были отговорки. Чтобы уладить это дело, ему нужно было только немного поговорить. А когда придёт время везти жжёный каменный порошок, даже самому идти не придётся: велит двум ученикам сходить, и всё.

Для Линь Жунгуя восемьдесят вэней были не так уж много, но если можно получить восемьдесят вэней всего за пару слов, эти слова уже дорогого стоили!

Он сразу с улыбкой кивнул и сказал:

— Ну ладно. Смотрю, ты, гэр, смышлёный, а я люблю иметь дело со смышлёными людьми! Так вот, тринадцатого числа этого месяца приходи забрать.

Когда всё было объяснено, а деньги отданы, Лю Гуюй только тогда увёл Чэнь Саньси.

По дороге он сказал Чэнь Саньси:

— Тринадцатого числа этого месяца мне надо будет ставить лоток в городе, боюсь, прийти сюда не смогу. Тогда ты один сходишь, получится?

Чэнь Саньси посмотрел на него и не сразу ответил.

Лю Гуюй подумал, что тот не хочет, и поспешно спросил:

— Что такое? Где не получается? Дорогу не знаешь? Людей боишься?

Чэнь Саньси быстро покачал головой и тихо спросил:

— Ещё ведь нужно отдать сто вэней. Ты спокойно доверишь мне деньги?

Лю Гуюй произнёс: «Ай», и тон его тоже стал легче.

— Да что тут беспокойного? Есть такая фраза: «нанял человека - не сомневайся, сомневаешься - не нанимай». Раз уж я выбрал тебя, значит, конечно, доверяю. В эти дни всё равно пока нечего делать, сперва перепаша наши две му поля. Я сейчас вернусь и сразу пойду к деревенскому старосте одолжить вола.

Чэнь Саньси ответил:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/17177/1762065>